

Тетрадь 11. Долгосрочный аспект (перспектива-2040+): про противоречия долгосрочного развития в новых условиях, институты и многоукладность (краткие тезисы)¹

Особенностью долгосрочного периода является существенное усиление системы противоречий, формирующих и повестку дня, и обновляющуюся на глазах систему институтов.

Система этих противоречий (даже в наиболее понятной, экономической части) настолько масштабна и сложно выстроена, что практически гарантирует и серию «турбулентностей» внешней среды и, с высокой вероятностью, «нелинейное», сложное и противоречивое развитие самой России (как и остального мира, конечно).

Не претендуя на полное – соответственно и многотомное – исследование проблем развития Российской Федерации, что сегодня нереально, можно, однако, сформулировать несколько тезисов.

Система противоречий долгосрочного развития

В сложно формируемой системе противоречий долгосрочного развития Россия окажется под воздействием двух групп противоречий – глобальных, в разной степени общих для всех стран и обществ, и собственно российских.

Глобальные противоречия

Общие для всех глобальные тенденции, характерные, в том числе, и для России, формируют, в частности, следующие узлы противоречий:

¹ В данной работе используются результаты проекта ТЗ-52, выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Использованы результаты работ по проекту «Горизонт-2040» (Агентство стратегических инициатив, 2022-2024 гг.)

Постарение населения – ускоренное технологическое развитие

Для России, как и для большинства других стран, характерно постарение (по крайней мере, очень заметный рост среднего возраста) населения. Так, за период с 2010 по 2020 г. средний возраст населения России уже возрос с менее 39 лет до более 40 лет, и по прогнозу Росстата² в середине века достигнет 45 лет, а к концу – 47 лет (см. Рисунок 1). В других экономически развитых странах ситуация ещё сложнее: по прогнозу ООН, динамика среднего возраста населения Германии в XXI веке будет напоминать российскую, но со сдвигом «вверх» на 4 года. Япония уже с начала 2060-х годов выходит на средний возраст населения 53 года. В Китае, по итогам политики «одна семья – один ребёнок», плюс быстрой урбанизации населения (соответственно, перехода к городской модели семьи с малым количеством детей и высокими возрастными) постарение будет идти практически «взрывным» образом – от 35 лет в 2010 г. до 50 лет к середине 2020 гг. и 55 лет к концу века.

Это, в свою очередь, означает формирование в экономически развитых странах (включая и Россию, безусловно; см. Рисунок 2) «общества пожилых людей». Так, в России доля людей старше 60 лет, начиная с середины века, стабилизируется (ещё раз подчеркнём – в лучшем случае!) на уровне 33-35%. В других странах ситуация (по прогнозу ООН) будет, по всей видимости, ещё хуже. Так, в Германии доля пожилых (60+ лет) подтягивается к 40% населения, в Японии с середины века стабилизируется на уровне порядка 45%, в Китае выходит в диапазон 45-50%.

² Учитывая, что в последние годы ситуация развивается хуже прогноза Росстата, в реальности демографические параметры тоже, вероятно, окажутся ниже прогнозируемых.

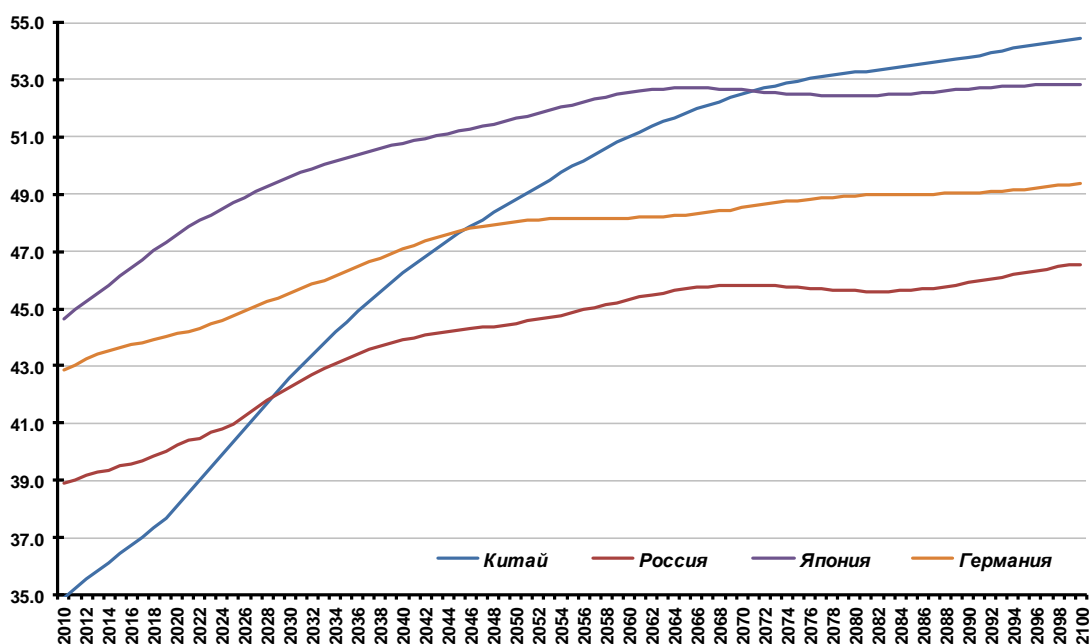

Рисунок 1. Средний возраст населения отдельных стран, лет

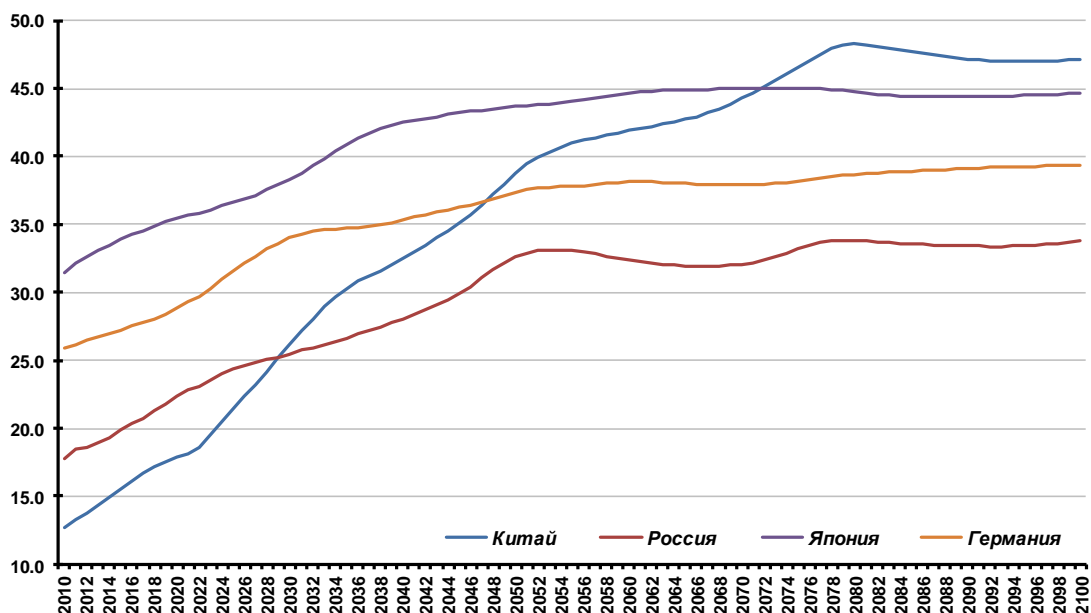

Рисунок 2. Доля населения старше 60 лет в отдельных странах, %

Это, в свою очередь, означает:

- неизбежный рост налоговой нагрузки на экономику ради устойчивости пенсионных систем, развёртывания относительно дорогостоящей медицины для профилактики и лечения возрастных заболеваний;

- возникновение с годами все более острого дефицита труда – причем во всех формах, от физического до интеллектуального. При этом,

возможности «закрытия» этого дефицита за счёт миграции³ будет объективно и неизбежно сужаться, поскольку, в силу урбанизации и демографического перехода даже и в развивающихся странах, избыток трудовых ресурсов будет уменьшаться;

- поэтому труд – как физический, так и интеллектуальный – будет становиться всё более дорогим (в том числе, и в рамках конкуренции за качественные трудовые ресурсы между формирующимися «центрами силы» мировой экономики, см. ниже). Соответственно, необходимость его замещения машинами становится и экономически оправданной, и функционально неизбежной.

Даже отсюда (если не учитывать такие аспекты, как «современность» стандартов производимой продукции и образа жизни в стране в целом, вопросы национальной безопасности и т.д.) уже жестко следует неизбежность участия России в начинающейся технологической гонке, важнейшими компонентами которой становятся:

- «гонка робототехники» (противодействие дефициту «живого труда», его замещение «машинным»),
- «гонка искусственных интеллектов» (экономия интеллектуального труда)
- ускоренное развитие биомедицинских технологий (реакция на постарение населения, на рост «болезней пожилых»).

Здесь возникает группа тесно связанных противоречий. Ускоренное научно-технологическое развитие (требующее интенсивного дообучения в течение всей жизни) предполагается реализовывать в стареющих (причем – ускоренно как раз в странах – технологических лидерах, см. Япония), соответственно, все более ригидных, обществах.

³ Даже если не учитывать проблемы национальных и культурных конфликтов, сопряженных с миграцией, которые будут нарастать по мере «разогрева» национальных и культурных идентичностей в странах «Глобального Юга» (это – неизбежная «изнанка» обретения этими странами субъектности, формирования там национальных мифов с указанием союзников и врагов и т.д.).

Дополнительные линии противоречий возникают в связи с противоречием между необходимостью «машин, работающих рядом с людьми» (включая выполнение как производственных, так и чисто бытовых сервисных функций), в том числе, в рамках обслуживания потребностей пожилых граждан, становящейся все более значимой общественной группой, - и неизбежным ростом ригидности стареющего населения, во-вторых.

В этой ситуации почти неизбежно резкое усиление межпоколенческих культурных конфликтов («культура молодых», где создание и воспроизводство технологий – ценность сама по себе⁴ vs. «культура пожилых», где использование технологий – вынужденная мера и фактор, вызывающий беспокойство). Если этот раскол наложится на социальные (точнее, «межукладные», см. ниже), на национальные / территориальные или религиозные противоречия, он может стать дополнительным фактором, переводящим различие в конфликты, под той или иной «маской».

С учетом сочетания высокой значимости технологий, надежд, связанных с ними (и «энтузиазма инвесторов», которым живет финансовый рынок) – и объективных, но недооцениваемых обществами, рисков технологического развития могут привести к тяжелым техногенным шокам. По их итогам вероятен рост «спонтанных фобий» (ср. «радиофобия» после Чернобыля, «антицифровые» и «антипрививочные» истерии).

Прилета «черных лебедей» можно ожидать в следующих сферах⁵:

Искусственный интеллект, где волна создания и использования ИИ в различных сферах (включая жизненно важные), в сочетании с его быстрым усложнением, ведущим к потере прослеживаемости, может привести к катастрофе (в сфере жизнеобеспечения, энергетики, транспорта, безопасности и т.д.), причем возникшей внезапно не только для общества, но и для операторов, и с трудом прослеживаемой даже «задним числом».

«Точка невозврата» – момент, когда искусственный интеллект будет обучен

⁴ Отметим, что в технологически развитых странах, включая Россию, «уже пошло в школу» поколение, научившееся пользоваться цифровыми гаджетами раньше, чем писать.

⁵ В цветных врезках – материалы, ранее подготовленные в рамках проекта АСИ «Горизонт-2040»

управлять системой искусственных интеллектов.

Биотехнологии, где стремительно расширяется число лабораторий, работающих с особо опасными возбудителями и где решаются все более чувствительные задачи.

Электроэнергетика, где параллельно возрастает спрос на электроэнергию, в систему включаются все новые компоненты, критически зависящие от погодных условий и режимов эксплуатации, а управление становится все более сложным.

Цифровое отчуждение. «Новая жизнь» противоречия между трудом и капиталом / технологиями

Развитие искусственного интеллекта, его применение как для управления технологическими процессами, так и для непосредственно корпоративного управления ведет к тому, что работник ставится в подчинённое положение (в том числе выдачу задачи, контроль исполнения, оценку результата, включая вознаграждение) уже даже не к людям и их структурам, а к «самообучающимся» электронным системам, работающим по каким-то, скорректированным ими самими, правилам.

Трендом является формирование многоуровневой системы управления с чередующимися уровнями контроля людей над машинами и контроля машин над людьми.

Упрощение труда во многих профессиональных областях с соответствующим понижением требований к образованию и сокращению заработной платы.

Поляризация на рынке труда: сокращение доли труда средней квалификации и «среднего класса».

Различная культура и отношение к ИИ со стороны людей, которые контролируют ИИ и которые контролируются ИИ, становится фактором культурной поляризации.

Одновременно возникает набор рисков, связанных с возможностью тотальной информационной манипуляции, основанной на сочетании направленной, индивидуализированной доставки информации (в том числе, на базе технологий анализ поведения конкретного человека в социальных сетях, его профиля и т.д.) с распространением генеративного искусственного

интеллекта, быстро размывающего само понятие подлинности (дипфейки, информационные галлюцинации).

Соответственно, ниш «неотчужденного / неманипулируемого существования» для индивида в современном обществе может уже не остаться.

Данная ситуация «нового отчуждения» – принципиально новая, существенно более сложная, чем традиционное «отчуждение работника» в обществах индустриальной стадии развития. В силу отсутствия соответствующей рефлексии, как и структур, направленных на защиту работников⁶, новая ситуация, вероятнее всего, приведёт к новым вспышкам луддизма и «технофобиям» – уже в современном обществе.

В целом, можно отметить, что никакого «гладкого перехода» к новой мировой ситуации не будет и быть не может. Так же как и «устойчивого развития».

Мир вступает почти в столь же значимое время, как первая половина 20 века, которое надолго определит новый «порядок вещей». Как было в начале машинной эпохи, сегодня кто-то должен дать ответ на вопрос о месте человека в новом обществе и во взаимодействии с машинами, занимающими его место. Тот, кто его даст – получит влияние, превосходящее роль марксистского дискурса в XX веке

Геополитическое противоречие «центры силы – независимые государства – пространство хаоса»

Данный вопрос отчасти рассматривался в материале «Тетрадь 10. Что дальше? Вызовы среднесрочного периода и прогноз на 2024-2027 гг.»⁷.

Отметим лишь, что сочетание кризиса глобализации, её перехода к модели «центров силы» в сочетании с усиливающимся технологическим

⁶ Дополнительный фактор – распространение временной, в том числе дистанционной (с опорой на телекоммуникационные сети) занятости, регулируемый не в рамках традиционных трудовых отношений, а в рамках договоров на выполнение конкретных разовых работ, что делает их труд полностью незащищенным.

⁷ См. [Тетрадь 10. Вызовы среднесрочного периода...](#)

процессом (имеющим глобальный характер) порождает целый спектр содержательных противоречий.

Первый уровень: глобальное / национальное

Глобальный слой мировой экономики и политики может быть описан как экосистема, содержащая набор субъектов и сред их взаимодействия: *глобальные финансы - платформенные компании - цифровые среды и метавселенные - глобальные медиа - международная бюрократия - мировая наука.*

Суть проблемы в том, что производство, прикладная наука и сфера безопасности, скорее, регионализуются, а финансовая и институциональная системы остаются (пока?) глобальными.

С одной стороны, идет регионализация производства, усиливается самообеспечение крупных центров силы энергоносителями (отсюда в частности, «повестка ВИЭ»). С другой, регионализация финансовых систем только начинает формироваться, с отставанием от «производственной» лет на 20 (намного быстрее – в исламском мире). Институциональная же де-глобализация пока только стала намечаться: создаются локальные торговые / платёжные системы (Россия, в условиях экономической войны с группой стран Запада, тут сегодня - лидер).

Проекция на социальный уровень:

- производство осталось «здесь» – люди работают на конкретном месте, в определенной социальной среде в своей стране и в своем городе (существенно важные исключения: транснациональные сети в ИТ и финансах, глобальная миграция);

- потребление – «уже везде», оно все более глобально, и в смысле рекламы / «экономики брендов и образов» (а, значит, и соответствующих образцов массовой культуры), и в смысле сбытовых сетей (Amazon, Alibaba).

Отсюда в рамках массовых культур «зашивается» противоречие между «локальным» гражданством и «глобальной» (макрорегиональной, как минимум) культурой потребления, объективно подтачивающей национальные суверенитеты.

Цифровизация лишь усиливает напряженность этого противоречия.

С другой стороны, сохраняются отмеченная в Тетради 10 классическая ситуация межстранового «кризиса смены гегемона» – на этот раз с образованием значительных «зон хаоса».

В мир-системе возникли лакуны, заполняемые новыми странами-лидерами – как самостоятельными, формирующими собственные «центры силы» / суперэкономике, так и сырьевых / производственных периферий новых центров. Мир медленно, но неуклонно диссоциируется на «созвездие мир-систем» разного уровня (взаимодействующих между собой, но высоко ставящих внутренние связи в рамках логики экономической безопасности, см. Рисунок 3⁸).

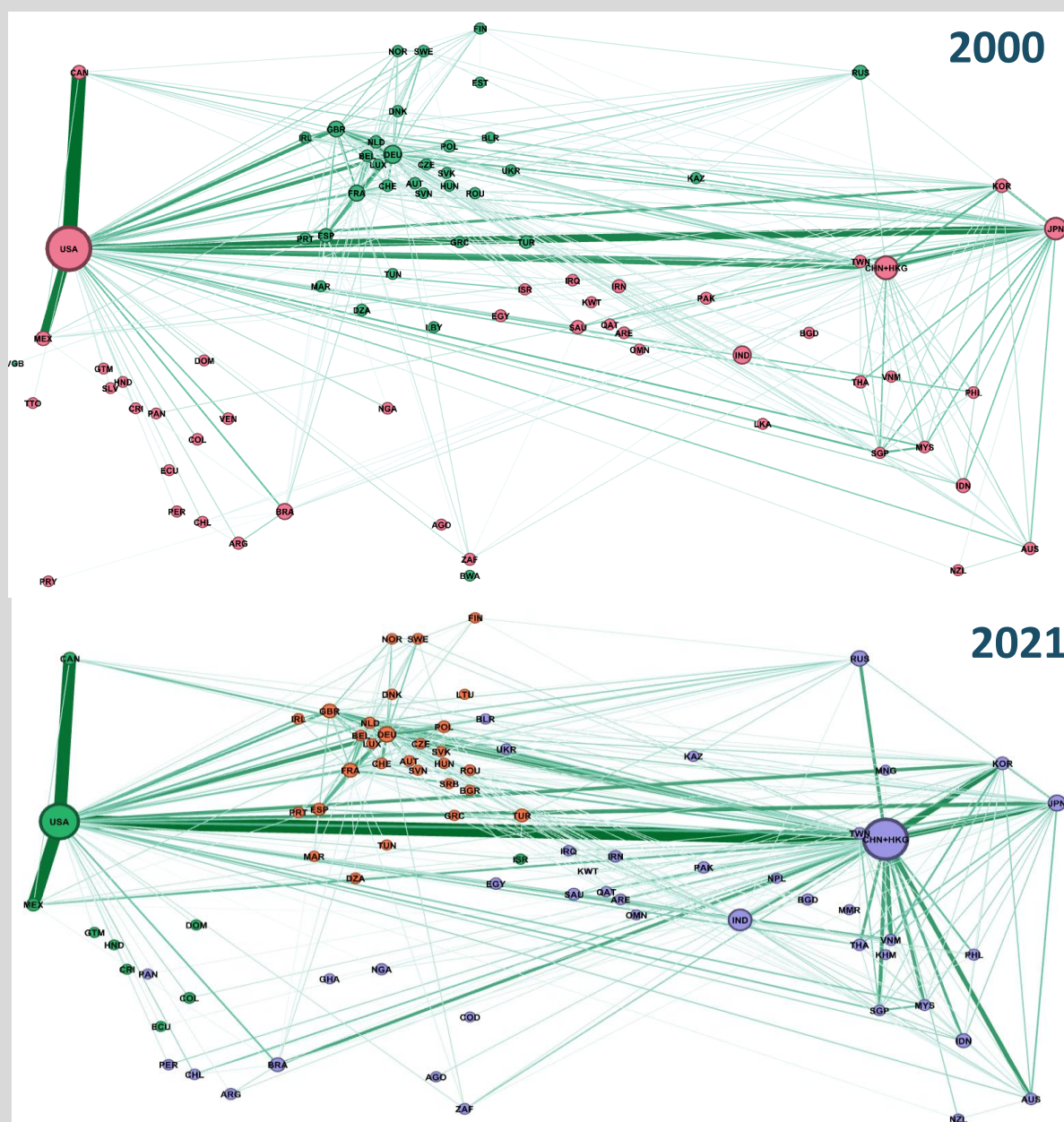

Рисунок 3. Структура глобальных внешнеторговых связей: от «оси» - к «созвездиям»

⁸ Рисунок и расчёты по базе глобальных торговых потоков – В.А. Сальников

Центры силы – ядра суперэкономик, обладающие суверенитетом и контролирующие / воспроизводящие источники сырья, юбки постоянных коопераций, в совокупности (вместе с партнерами) устойчиво контролирующие значимые доли мирового ВВП (5 англосаксонских стран, USUKCANZ; Миттель-Европа, вокруг франко-германско-итальянского союза и примкнувших к нему стран; Великий Китай; «Японо-корейское сопроцветание»)

Суверенные «Производящие центры» второго порядка размерности – размер поменьше, суверенитет удерживается, специализация частичная, маневрируют между игроками высшего уровня, формируя собственные союзы и зоны контроля над ресурсами и рынками (Россия / Евразия, Индия?, Иран, Турция....)

Супердоминионы – большой размер, какие-то критически значимые ресурсы, важная роль для кого-то из игроков, суверенитет ограничен

«Дальняя ресурсная» периферия – тесно завязаны на Центры силы (большинство стран Африки и Центральной Азии)

Мировой пролетариат – страны, не обладающие уникальными ресурсами и легко заменимые в рамках разделения труда

«Пространство лишних» – вообще не имеющих постоянной легальной специализации. «Область тени»⁹, обычно беднейшие страны

Подобная ситуация, как уже отмечалось, с одной стороны, создает очень высокие риски, связанные с ростом конфликтности.

С другой – создаёт для России возможность сформировать собственный «центр силы» сейчас – и участвовать в формировании новых международных институтов и «правил игры», ориентировочно на рубеже 2030/2040 гг.

Внутрироссийские противоречия и повестка дня

Институциональные противоречия

Внутри России ключевое значение, как отмечалось в докладе ЦМАКП «Уроки на долгосрочный период: что означает «поворот к себе»?»¹⁰, играет формирующийся институциональный разрыв.

⁹ По меткому замечанию С.Б. Переслегина

В перспективе российская экономика, вероятно, будет состоять из нескольких институциональных слоев с разными доступными ресурсами и правилами функционирования (см. таблица 1):

- государственная экономика («хозяйственная» логика функционирования; выполнение конкретных целей и задач при ограниченных требованиях к эффективности);

- «валютный сектор»: крупные сырьевые компании, обеспечивающие в условиях все более сложной конъюнктуры устойчивость торгового баланса. Ориентированы на доступные внешние рынки (включая режим «серого экспорта»);

- традиционный частный бизнес, ориентированный на извлечение прибыли и несущий основные риски;

- неформальная «гаражная экономика», самозанятость;

- отрасли социальной инфраструктуры.

¹⁰ www.forecast.ru/ARCHIVE/Mon_13/2023/TT2023_13.pdf

Таблица 1. Структура субъектов российской экономики

	Государственная экономика	«Валютный сектор»: крупные сырьевые компании и компании ТЭК	Традиционный частный бизнес	«гаражная экономика», самозанятость	Социальная инфраструктура
Тип компаний	Госкомпании технологического и инфраструктурного характера, Академия наук, ведущие вузы		Основная часть институционализированного частного бизнеса		
Логика функционирования, критерий успеха	«Хозяйственная» логика: выполнение конкретных функций (оборонных, технологических, транспортных и т.д.). Сильные элементы долгосрочного планирования развития	Позиции на внешних рынках (вплоть до «валютного плана»), обеспечение ресурсами госспроса, извлечение прибыли. Элементы долгосрочного корпоративного планирования	«Бизнес-логика»: извлечение прибыли, масштабирование бизнеса (включая выход на доступные внешние рынки). Ввоз импорта	«Бизнес-логика»: извлечение прибыли, масштабирование бизнеса (трансформация в традиционный частный)	Выполнение социальных функций
Характер социального контракта	Довольно стабильный (почти «пожизненный найм») при ограниченных зарплатах. Высокая «социальная нагрузка» на бизнес	Легкое увольнение, высокие зарплаты, элементы выплаты ренты. В отдалённых регионах есть фактор «социальной нагрузки»	Классический рынок труда: зарплата и возможности увольнения определяется квалификацией занятого: от «офисного пролетариата» до «рабочей аристократии»	Предпринимательская модель: сколько заработали, столько и делим	Практически «пожизненный найм», очень низкие зарплаты
Принимаемые риски	Минимальные. Влияние санкций	Умеренные. Влияние конъюнктуры рынков и санкций	Основные коммерческие риски, в основном внутренние	Минимальные	
Предпочтительные партнеры	Стремление к самодостаточности; отчасти – сырьевые компании и частный бизнес (серый импорт!)	Госкомпании	Госкомпании, отчасти – «гаражная экономика» (минимизация рисков)	Частные компании	Находятся практически вне экономики

В принципе, формирование «институционального каркаса» российской экономики за счёт крупнейших компаний при государственном обеспечении спроса на часть их продукции при разумном подходе вполне имеет право на существование¹¹.

Проблем тут две. Во-первых, существование «государственной экономики» невозможно без сильной кооперации и ассоциации с частным бизнесом (взятие на себя рисков производства принципиально новой продукции – ср. искусственный интеллект / компьютерное зрение; беспилотники¹²). Однако, подчинение частного бизнеса стандартам де-факто: избегание риска, ориентация на «традиционные рынки» и т.д. (связанным с самой логикой работы госкорпораций) объективно, без принятия дополнительных мер, может сдерживать развитие российского частного сектора и, прежде всего, утрату им динамики в части развития технологий.

Во-вторых, и это было минимум дважды проверено в период нэпа 1920-х и, особенно, действия «Закона о госпредприятии» (1987 г.) и принятых параллельно с ним правовых нормах («Закон о кооперации», 1988 г.)¹³, интеграция государства с частным бизнесом может вести, вместо ускоренного развития к паразитированию частного бизнеса на госпредприятии (например, через арбитраж на «приобретении ресурсов по плановым ценам – продаже на рынке по рыночным»).

¹¹ Ср. Замминистра промышленности и торговли России В.С. Осмаков: *"Спрос на российскую промышленную продукцию сейчас огромен в силу санкционных ограничений: текущая динамика – это не "дутый пузырь", а реальный запрос экономики."* <https://ria.ru/20240704/osmakov-1957097109.html>

¹² Отметим, что советская плановая экономика практически полностью пропустила «революцию потребительских ориентиров» в 1970-1980 гг., чем и обеспечила, отчасти (наряду с другими факторами, такими как структурные проблемы экономики, алкоголизация, массовые дефициты и пр.) условия для массового социального недовольства рубежа 1980-1990х годов.

¹³ И на неоднозначном, породившем массовую коррупцию на «низовом уровне», опыте китайской реформы тоже.

Фактически сложившаяся (отчасти с 1970-80х годов, отчасти в ходе реформы 1990-2010 гг.) многоукладность российской экономики в новых условиях, вероятно, воспроизведется.

Это, в свою очередь, будет проецироваться на воспроизводственную структуру российской экономики (и на структуру управления ею). Что окажет системное воздействие на развитие страны: на этой основе мы можем либо создать новый социальный двигатель, либо разорвать единое социальное и экономическое пространство страны:

1. Экспортный сектор. Зарабатывает валюту, покупает импортное оборудование. Качественный, воспроизводящийся на «лучших имеющихся ресурсах», кадровый потенциал.

2. Государственный сектор. Работает под задачи очень широко понимаемой безопасности / стабильности (оборонной, продовольственной, технологической и т.д.) в рамках планирования (той или иной степени жесткости). Получают качественные ресурсы «под план» и по плановым ценам, включая импорт уникального оборудования, технологий и материалов. Имеет отчасти обособленную систему воспроизводства кадров (целевая подготовка в профильных учреждениях профобразования); в ряде случаев имеют корпоративные подсистемы здравоохранения.

3. Сектор бизнеса. Несет на себе инновационные риски (как в технологическом, так и в других отношениях, включая выстраивания новых бизнесов). Создает рабочие места, является доходной базой субъектов Российской Федерации.

Таким образом, чеболизация российской промышленности (и, шире, экономики)¹⁴, будучи, по всей вероятности, вполне оправданной в сложившихся конкретных исторических условиях, нуждается в краткосрочном аспекте в многостороннем государственном и общественном контроле, в более долгосрочном – в развитии конкурентоспособного «обычного» бизнеса.

¹⁴ Замминистра промышленности России В.С. Осмаков: «Почему мы говорим про движение в сторону "чеболизации"? Когда рынок был глобальным, а кредиты относительно доступными, промышленность работала как бы сама по себе. Но как только возникли по-настоящему серьезные санкционные ограничения, появилась необходимость в финансовом партнере и сбыте продукции через торговые компании. То есть сейчас требуется синергия финансового, торгового и промышленного капитала – "чеболизация" по форме, не по генезису. И этот тренд будет продолжаться» <https://ria.ru/20240704/osmakov-1957097109.html>

Важной особенностью ближайших 10-15 лет является взаимопроникновение двух логик функционирования российской экономики: «хозяйственной» (необходимость наличия тех или иных ключевых компетенций и инфраструктур, причем почти «любой ценой», например, функционирующей гражданской авиации, сельского хозяйства) – и, собственно, «экономической», выстроенной вокруг идеи эффективности. Проблема в том, что обе логики являются вполне правомерными – и каждая из них, в условиях отсутствия масштабного притока сырьевой ренты, может реализовываться лишь с элементами другой. Так, инфраструктурные компании (в меру жесткости финансовых ограничений, необходимости привлечения частных инвестиций в соответствующие проекты и т.д.) вынуждены постоянно заниматься вопросами как операционной эффективности, так и отдачи от реализуемых инвестиционных проектов. С другой стороны, создание высокотехнологичной продукции частными компаниями предполагает ее использование, в том числе и в общественных / оборонных целях (с соответствующими, в том числе «нерыночными» требованиями к характеристикам, стоимости и др.). Управление таким балансом приоритетов – дело весьма сложное, хотя до известной степени, и отработано на уровне госкорпораций.

Противоречия многоукладности

Существенной проблемой для развития российской экономики в перспективе становится формирование в ней нескольких технологических (соответственно, с известными оговорками, и общественных) укладов.

В рамках данной работы технологический уклад будет рассматриваться как система тесно взаимосвязанных технологий, обуславливающих принципиальные взаимосвязанные сдвиги в структуре экономики и общества, позволяющие говорить о возникновении нового общественного уклада¹⁵. Этот термин исключительно удачен: действительно, и социальные, и технологические уклады не столько замещают друг друга, сколько сосуществуют, вытесняя более старые на периферию общества (или, в территориальном аспекте, в полупериферию и периферию глобальной «мир-экономики» И. Валлерстайна).

¹⁵ Определение - из монографии [«Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества»](#)

В российской экономике¹⁶ сейчас присутствуют, как минимум, три разных, причем не в полной мере совместимых по технологиям, институтам и общественным отношениям, технологических уклада.

1) Так называемый «четвёртый технологический уклад» (классический индустриальный, выстроенный вокруг классического же конвейерного, лишь поверхностно «цифровизированного» производства).

Характерен для основной массы старопромышленных и сельскохозяйственных производств.

Существенно, что здесь фактически на компаниях лежит социальная функция поддержки доходов и потребления занятых.

Здесь, в силу отставания по производительности от основной массы стран, производящих ввозимую в Россию промышленную и сельскохозяйственную продукцию, сложился замкнутый круг: избыточная занятость – низкие зарплаты (чтобы удержать издержки) – бедность и недопотребление.

Ловушка дешевого труда: труд слишком дешев, чтобы замещаться промышленными роботами, соответственно, относительно низкопроизводителен – и от этого, опять-таки дешев.

«Предбедное» работающее население предъявляет спрос на относительно дешевую продукцию (что, соответственно, требует от производителей ценовой конкуренции на внутрироссийском рынке и затрудняет переход к производству более маржинальной продукции) и массовые бюджетные социальные услуги, что дополнительно сдерживает модернизацию человеческого капитала.

В условиях СВО и «революции зарплат» эта группа производств может стать важным «донором» трудовых ресурсов (особенно, если произойдёт её

¹⁶ Если не считать сохранившихся реликтов архаичных технологических укладов и общественных отношений, основанных на фактически зависимом положении работников и «единстве» менеджмента сельскохозяйственных предприятий и сельских поселений, еще встречающихся, особенно, на окраинах страны.

модернизация): с них, в значительной мере, работники уходят на фронт – и, в любом случае, едва ли вернуться на низкооплачиваемые рабочие места.

2) «Пятый технологический уклад»: (поздний индустриальный: компьютеризация и цифровизация производства, цифровая связь и обработка информации, сложные производственные процессы, включая химию/фармакологию и ИКТ).

Типичный вид корпоративной структуры – высоко- и среднетехнологичные производства, определяющие «лучшие практики» с точки зрения управления бизнесами, включая оборонные производства и «новые» частные технологические компании (включая ИКТ).

Для соответствующих компаний характерна высокая (в целом, на уровне стран-конкурентов) производительность труда, Отсюда, высокая привлекательность для работников – и по критерию «интересной работы», и по критерию оплаты труда.

В то же время, характер бизнеса предполагает необходимость выхода за пределы российского рынка, слишком узкого для них (хотя бы на рынки дружественных стран). Одновременно, соответствующие компании весьма уязвимы к «санкционным войнам» (включая вторичные санкции от компаний формально дружественных стран), включая как риски доступа к оборудованию и электронным компонентам, так и риски доступа на рынки.

Однако, включенность во «внутреннюю» экономику (в том числе, спрос со стороны государственных органов, госкомпаний и др.) позволяет пока, до известной степени, компенсировать шок, связанный с трансформацией системы внешних связей подобных компаний. Хотя задача выстраивания механизмов их выхода на доступные для России рынки и формирования адекватных каналов кооперации является ключевой для долгосрочного устойчивого развития компаний такого типа.

3) «Шестой технологический уклад» (производства с использованием искусственного интеллекта, сложные производства в области биофармакологии, «сервисные» модели «производства под заказчика»).

С точки зрения институциональной структуры данный уклад представлен, главным образом, небольшими и средними компаниями, (включая быстрорастущие «газели»), в основном – в мегаполисах и агломерациях вокруг них.

В настоящее время, данные компании очень уязвимы к внешнему шоку и при этом, лишь ограничено встроены в кооперационные связи «экономики как таковой». В силу этого они нуждаются в дополнительной господдержке.

Необходимо подчеркнуть, что «трещины» и противоречия в воспроизводственной модели и между укладами порождают и социальную напряженность (причем не только «полезную», ведущую к дополнительной социальной мобильности, но и сугубо разрушительную), и, будучи положены на географическую карту – напряженность между субъектами Российской Федерации и между регионами и федеральным центром.

Так что, как говорится, «что-то с этим надо делать».

Задачи развития

Из описанных пяти узлов противоречий следует шесть главных направлений усилий, которые уместно обозначить лишь пунктиром.

1. Сохранение и «воспроизводство» суверенитета предполагает сборку собственного «центра силы». Это означает, в свою очередь, необходимость собственной глобальной повестки дня, строительство системы внешних ситуативных союзов, необходимость балансирования объективной зависимости от одних глобальных игроков усиленным выстраиванием коммуникации с другими (особенно актуально в АТР).

2. Поддержание высокого уровня широко понимаемой безопасности – от военного потенциала до достаточности ресурсов развития в любых разумных сценариях изменения обстановки.

3. С точки зрения стратегического управления, с учётом сложности и непредсказуемости изменения ситуации, ключевым становится наличие «универсального адаптационного потенциала» (научно-технологического,

кадрового, финансового и др.), применимого в широкой спектре неопределённых ситуаций и стратегической гибкости в применении этого потенциала. Отсюда – необходимость постоянного диалога с субъектами бизнеса и структурами гражданского общества. Институциональный приоритет в новых условиях – развитие сложных экосистем в сферах науки, технологии, создания новых отраслей, непрерывной модернизации человеческого капитала.

Экосистема – система взаимодействующих, обменивающихся ресурсами и трансформирующих одни их виды в другие субъектов. Взаимодействие субъектов Экосистемы происходит в системе сред. Это взаимодействие определяет характер воспроизводства в данной сфере и основные количественные параметры ее деятельности.

Свойства:

- происходит воспроизводство и самой ЭС, и ее основных участников.
- сложная, но относительно устойчивая структура (набор субъектов с собственным целеполаганием, границами и т.д.). Наличие специфического (задающего специфику экосистемы) ядра

- субъекты взаимодействуют друг с другом. Происходит обмен ресурсами, трансформация одних ресурсов в другие, формируются цепочки.

Функционирование субъектов происходит в средах и со средами.

- изменение во времени – как количественное (рост/ослабление), так и качественное /структурное (диссоциация или вхождение в ЭС новых субъектов).

Возможности для анализа, прогнозирования и управления:

возможность анализа эффектов как прямых (формирование спроса), так и не прямых воздействий на экосистему – через развитие профильного образования, капитализацию институтов развития и т.д.

оценка последствий изменения качества сред (цифровой, предпринимательской и др.) для развития экосистемы в целом.

4. В ходе технологического развития в перспективе, помимо непосредственно продвижения технологического фронта по наиболее приоритетным направлениям, возникает дополнительный (и быть может, даже большой) приоритет – адаптация высоких технологий в

среднетехнологических компаниях. Это – инструмент их модернизации, высвобождения ныне неэффективно используемого человеческого капитала. В конечном итоге речь идёт об обеспечении целостности российской экономики – «сшивке» различных укладов, «подтягивание» отстающих компаний до современного уровня через переток занятых, распространение лучших практик и кооперацию между компаниями и регионами.

5. Развитие кооперации традиционных компаний и новых бизнесов, как инструмент обеспечения экономической и социальной динамики и управления рисками в новых условиях.

6. Социальное сращивание через вертикальную мобильность и создание инициатив, поддерживающих «низовую» активность (ср. Агентство стратегических инициатив, технологическое волонтерство в СВО и др.). Солидарность, соразвитие и связность как приоритеты социальной политики (вместо попыток «законсервировать» социальную структуру).

*Материал подготовил:
руководитель направления Белоусов Д.Р.*